

ТОЛМАЧ

Покажется, присел на мель,
но докторам видней –
рекомендуют мне апрель
раз в год по 30 дней,

когда стрижи из-под застрех
снут и просят пить –
сдаюсь без всяких «руки вверх»,
чтоб небо не пробить,

с тобой, красавица, совьём
звонящий день с канвой,
задумашься о своём,
так вот я – в доску свой,

поставлю «венус» – шокен блю,
смахну репы с хвоста,
я, может, так себе люблю,
и вышил неспроста,

поддерживая небосвод,
простуженно трубя,
переведу на час вперёд
с татарского тебя.

МУЗА-ЛУЗА

В саду пятнистый май, где липам за сто лет,
скворец покрыт слюдой надтреснуто звучащей,
кудесница, давай на письменном столе,
чтоб нашу нелюбовь испытывать почаще,

побудь моей мечтой с вознёй вокруг соска,
румянцем намекнув так, сантиментов кроме,
полна желанья, что боишься расплескать
к зелёному сукну прильнув, как на иконе –

про твой потенциал, и, мягко говоря,
всё небо в облаках – сплошная стекловата,
мне дождь протанцевал, проквела заря –
весна тесна в боках и ласточкой усата,

казалось, что вчера, но сколько ни старей,
согласный стук сердец запрятали туда мы,
где бивни комара, и мамонт в янтаре
застыл, как холодец, ошпианный губами,

мерцание свечи гуляет по щекам,
прощенье не прощаясь в чистилище литровом,
пусть время огорчит, приняв взамен щита
разверзшуюся хлябь, пропуканную громом,

задача непроста с тобой накоротке
растаяв от стыда, что в хохоте свином,
быть начеку устал, как палец на курке,
как в детстве, навсегда пропахшем пластилином,

внезапный сукин внук, я на юру возник,
на речи плодовит о времени жестоком,
понадобился вдруг всем позарез мясник,
который напонт их автоматным соком,

давай же днём согнём по пояс в неглиже,
вот письменный верстак и ты, моя нетленка,
не захлебнись враньём на сложном вираже,
упёршись в небо, как мотоциклист коленкой.

ПРОЩАНИЕ

С заблудившимся в ней земляничным листком на кутаж решишь
оживлённой воды, сжав глоток воспалёнными гландами,
отплывая на остров бронхит, хорошенько прокашлявшись,
знаешь мало, но то, что умеешь – достоинство главное,

той, что лезет из крана, как лески моток – не лечи меня,
заодно не настаивай выпить креплёное с травами,
попадается время от времени неотлечимое,
позывными родное, но с отзывами иностранными,

слишком искренним вышло когда-то на Эльбе братание,
а синица в руке – сбитый в небе журавль после ошпи,
с прохудившейся шиной не катится Велобритания –
хорошо, что теперь ничего с этой падалью общего,

непогода старается всякое чудо минировать,
даже то, что в твою переехать однажды грозит кровать,
в этом мире бушующем повода нет доминировать,
дореминовать в музыке, в живописи допозировать,

мне сирень подаёт обе лапы, как будто мы близкие,
тормозит интернет и не ловится зеркальцем пристальным,
крылышка, кузнечик смывает всё утро на листике,
ожидая, когда заиграет «Славянка» на пристани.

ТАКОЙ ПОРЯДОК

Коты в кустах плюются, ссорясь, друг в друга лапами вросли,
пойми, какой из них Чак Норрис, кто Джеки Чан, и где Брюс Ли,
свистят когтей кривые жала, дымится шерсть – сплошной дурдом,
меж ними кошка пробежала, протиснулась с большим трудом,

и я веду себя небрежно, предчувствуя и жить спеша,
пусть напрягает эта брешь, но рычит мопед из гаража,
люцерна пенится, как бражка, малиной запад озарён,
и на спине кипит рубашка трескучим белым пузырём,

вчерашнее увито сплетней, грядущее – смешней в разы,
чем беспонтовой, тем конкретней – без слёз, без жизни, без грозы,
у речки, после вечеринки, где хорошо, куда ни *ляжь* –
меняют декольте на стринги подружки, выскочив на пляж,

зовут грязнулю искупаться, но самая из них одна
перебирает в тонких пальцах прозрачный камушек со дна,
даёт подолом утереться, хитра по множеству примет,
моё разглядывает сердце и проверяет на просвет.

ВЛЮБЛЁННЫЕ И БОЛЬШЕРОТЫЕ

Я тебя целоваться заставил,
наплевав на Вселенский застой,
в тишине, за Рогожской заставой,
задыхаясь сиренью густой,

где кометы, в оранжевой коме,
вспоминают былую лафу,
как засохшие стружки моркови
под подолом у тёрки в шкафу,

где на резкость оптической пары
не наводится линза луны,
и, сплетённые словно кальмары,
мы скользить по прилавку вольны

до предела, пока не остыла
наша молодость, взятая в плен,
эти слёзы и кровь, как чернила,
и фонтан из берёзовых вен,

в разнотравье цветущих и прочих
обречённо крадутся сюда
прикусивший язык колокольчик,
облизавшая нож – резеда,

пусть последних тюльпанов горелки
разевают пунцовые рты,
поиграем с природой в гляделки,
не стесняясь своей наготы.

ГЕОМЕТРИЯ УТРА

Нам, дорогая, как ни упрощайся,
под бульканье скворца и скрип стропил,
гадать, в неопалимых блёстках счастья,
какой дурак посуду перебил,

парад планет предутренный отринул,
когда влетел, проекции опричь,
в заплёванную звёздами витрину
необожжённой юности кирпич,

глотком нарзана кислого залатан,
я наблюдать с погрешностью готов,
как перегрызлась полночи постфатум
с цепи сорвавшись, свора облаков,

родной язык, хоть вымотан и сломан,
бывает на расправу скор и он,
бьёт запятой и брызжет ядом слово,
зажатое в зубах, как скорпион,

пусть, ублажая новую подругу,
визгливый мир купается в стыде
и под прямым углом скользит по кругу,
а я вот, по касательной – к тебе,

надёжна наша группа порпшневая
пока, за правдой образа следя,
кино документальное снимаем –
всё, до последней ниточки, с себя.

НА МОРЕ

Проживая скопленное набело,
к пионерской зорьке будь готов –
Куравлёв, поющий в пачку «Мальборо»,
Вицин, усыпляющий котов,

мне легко с попутчицами бодрыми
поделиться в радость, чем богат,
грузовик прошёл с пустыми вёдрами,
молния упала на шпагат,

просто с поэтессами поддатыми
занимать коньяк у молдаван,
Коктебель во сне скрипит цикадами,
дышит, как продавленный диван,

по карманам дождь попрятал лезвия –
в норках неуёмные стрижи,
позвоню Ван Гогу, соболезнаю,
чтобы к трубке ухо приложил,

знаю, от него ушла не зря жена,
к сведению будущих рубак –
у меня ружьё всегда заряжено,
даже если это и не так,

сердце тараторит с промежутками,
подбираюсь к девушке-врачу –
сетует, завязывайте с шутками,
не смешно – а я и не шучу.

ПРИГОРОД

Хлопает прибой мостками шаткими,
квас с зелёным луком, хлеб с либидо,
может и похожа жизнь на шахматы,
только у доски краёв не видно,

игроки под горку едут с ярмарки,
изгородь физалисом увита,
и стучат антоновские яблоки,
как в тумане конские копыта,

всё путём, по щучьему велению,
а в стакане солнечная буря –
починяем старую вселенную
по привычке, тыря и халтура,

прибывает куча муравейная,
напрягая гусениц на грядке,
шишки уберёшь из уравнения –
хвоя и царяпины в остатке,

до конца как быть решим с тобой не мы,
рассуждая выпренне и плоско,
целит бигудями дальнобойными
заводской окраины причёска,

бед у нас, отчаянных – до форточки,
как у дурака сырой махорки,
вот и норовим, присев на корточки,
покурить и выпить на пригорке.

РАНЬ НЕСУСВЕТНАЯ

Любимая, наш крут спасенья узок,
«крапивницей» свеча опылена,
волнуется и дышит, как медуза,
прибившаяся к берегу Луна,

с массандровских давилен ветер винный,
по склонам нерестится виноград,
и лечит электричеством долину
почти высоковольтный гул цикад,

степного разнотравья терпкий силос,
залётных комаров зубная нить,
а мы, на воздухах, договорились
о милых пустяках не говорить,

на перекур не требуя отсрочки,
то сзади окажусь, то впереди –
летающий, словно крестик, на цепочке
из поцелуев на твоей груди.

ПРАВИЛЬНЫЙ НАСТРОЙ

Возвратясь домой со службы, день минувший подытожь,
вдоль по улице Подлужной языком процокал дождь,
разбросал по лужам сушки, дёрнул месяц за сергу,
где вы, девушки-подвухке, дозвониться не могу,

воробьём скачу проворно в птичнике глухих тетерь,
лучше некогда, чем порно, лучше поздно, чем теперь,
то ли дело, после баньки, с первым снегом на паях,
выпив с горя, таньку-встаньку извалять бы в сухарях,

жадным взором воздух плавя, дышишь счастьем игрока –
скорость мысли гасит пламя оптимизма, а пока
понимаешь, скоро в космос кошек запускать начнём,
и очередная косность нашу палубу качнёт,

слышишь, бас глухой и сиплый – об обсценном и святом
говорит и крошки сыплет облако с набитым ртом –
сам себе не накукуешь, но пока не стал травой,
по поганкам маршируешь в роще сосен строевой.